

→ АРИАДНА БОРИСОВА ←

★
★
★
★
★
★
★
★

ЛЮДИ С СОЛНЕЧНЫМИ ПОВОДЬЯМИ

РОМАН-ОЛОНХО

Fiction
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б82

Иллюстрация на обложке *Елены Капич*

Борисова А.
Б82 Люди с солнечными поводьями : роман / Ариадна Борисова. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 528 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-30558-8

В Месяц опадания листвы солнце по-осеннему неласково освещало долину великой реки Элен. Бесстрашный воевода Хорсун уходил с дружиной в опасный поход, оставляя дома свою жену — кроткую, нежную Нарьяну, беременную их первенцем.

Нельзя было гневить таежного духа, переступить через запрет. Лучше бы остаться Хорсуну рядом с женой и дожидаться ее разрешения от бремени, однако пылкий и грозный нрав не позволил ему отпустить воинов одних.

Но беда шла по пятам за Нарьяной и еще не рожденной девочкой, которой суждено стать самой могущественной удаганкой.

Чтобы спасти ребенка, Нарьяна решилась на отчаянный шаг.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30558-8

© Борисова А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Говорят, после создания богов, духов и многого сущего Творец слепил из небесных лучей священного коня Дэсегея с солнечными поводьями за спиной. Конь был чист плотью и нежен мыслями, знал только добро и не ведал зла. Потом на свет произошел трехликий, четвероногий кузнец Кудай. Мастер воспевал красоту, ковал джогур¹ и прекрасно знал, где добро, а где зло. Чуть позже появился человек. Он умел ценить радость жизни, но плохо отличал добро от зла.

Стали рождаться на Орто² люди рода Дэсегея — люди сахá с солнечными поводьями за спиной, наследники Кудаява мастерства. В их душах нашлось место добру и злу, но у каждого оказалась своя мера тому и другому.

Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о богествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

¹ Джогур — высшее мастерство, дар делать то, чего не умеют другие.

² Орто — Срединная земля, или Срединный мир (людей) между Верхним миром богов и Нижним, населенным нечистью; вообще все среднее, находящееся посередине.

Домм¹ первого вечера

МИРНАЯ ДОЛИНА

Взойдя по-осеннему поздно, солнце поторопилось бросить на Срединную землю лучи-поводья. Солнечная дорожка протянулась поперек Большой Реки от широкого берега Эрги-Эн² до противоположной долины Элэн, замкнутой неприступной стеною причудливо сбитых утесов. За крутым каменным мысом непосвященному трудно заметить тихий залив, прячущийся в изгибе. Чуть ниже под прикрытием елового перешейка в бабушку-реку впадает горная речка Бегунья. От залива до Элен всего один пеший кёс³. Чужаки, прибывшие сюда впервые, удивляются здешним просторам. Привольно раскинулись в озерных алáсах⁴ усадьбы

¹ Домм — сказание, история, книга; небесный звук, издаваемый изжитыми на Земле отрезками времени.

² Эрги-Эн — место проведения всенародного базара.

³ Кёс (кёс) — мера расстояния и времени пути верхом на коне, на быке и пешим ходом.

⁴ Алáс — луговая низина в обрамлении тайги, обычно с озером, удобная для поселения, сенокоса, проведения праздников и собраний.

шести аймаков¹, самое крупное по Большой Реке обиталище племени саха — людей с солнечными поводьями за спиной.

Есть в этих славных местах все, чем только может похвалиться Великий лес-тайга, — от высоченных лиственниц, какие редко где встретишь, до горячих ручьев. А если говорить об эленцах, потомках божественного коня Дэсегея, то хоть от луны до луны сказывай о доблестных бóтурах², певцах-сказителях, искусниках по всякому ремеслу и просто добрых людях — не поведаешь и половины.

Каждое пятое лето левый необитаемый берег Эрги-Эн становится крикливым и пестрым. Менялы, перекупщики, кочевники, мастера и досужие людишки из разных начал и концов Великого леса собираются на торжища. Нынче отшумел очередной базар, вместе с пользою и весельем неизбежно несущий беспокойство народу Элен.

Третье колено сменилось после сражения с иноземцами гилэтами, нарушителями мирной торговой сделки, но все еще никто не косит тучные травы на Поле Скорби, где случился кровопролитный бой с внезапно грянувшими врагами. Старики хорошо помнят, как на подмогу воинам вышли тогда все жители аймаков — от дедов до женщин, чьи руки крепко держали топоры и охотничьи копья да умели натянуть тетиву. Страсть сколько людей с обеих сторон полегло, сколько позже от ран скончалось. Войско захватчиков, разбитое в треть, бежало

¹ Айма́к — селенье, в котором живут люди, связанные обширным родством.

² Бóтур — воин, прошедший ратное Посвящение.

с позором. По сие время ни один торговец из клят-вопреступного племени носа не кажет в Эрги-Эн.

Говорят, когда народ прощался с погибшими, прогремел гром и знак молнии выступил на лицах мертвых героев. Это конь Дэсегей скакал по полю, горя о своих детях, и помечал их светозарными следами славы, а за спиной его развевались огненные поводья. С тех пор Хозяйки Круга¹, носительницы земных тайн и горшечного ремесла, начали вырезать на правой щеке воинов знаки памяти о битве с гилэтской армией. Молниеносными называют витязей Элен из-за белых зигзагов рубцов на смуглой коже.

Прах павших, своих и чужих, покоится в двух курганах за Полем Скорби. Вездесущие мальчишки, вопреки запретам, рыщут по местам великой сечи, находя в густой траве ржавые обломки мечей и наконечники копий. Во время праздника Новой весны² сказители состязаются в звонкоречивом искусстве олонхó³ — поют-рассказывают предания о героях истекших весен. Озаренные высоким знанием жрецы испрашивают милости и снисхождения к людям, вознося благодарность Белому Творцу, светлым богам и добрым духам за спокойствие в Элен. Мирно течет в долине несуетливая жизнь, отлаженная

¹ Хозяйки Круга — почтенные горшечницы, хранительницы девяти основных заповедей человеческого бытия, жрицы и врачевательницы триединой души Земли: ее почвы, воды и воздуха.

² Праздник Новой весны — торжество вершины года (древние якуты считали годы по веснам), отмечается во второй половине июня.

³ Олонхó — якутский героический эпос, а также отдельное эпическое сказание.

заветами предков, справедливым правлением аймачных¹ старшин и напутствием озаренных.

При всем том понятно: безмятежность — достояние хрупкое. Эленцы не собираются распускать дружину, возглавляемую багалыком² Хорсунном. В густом еловом бору у речки Бегуны укрывается выгнутая дугою двухрядная крепость, защищающая подход к долине с юго-востока. За вершинами высоких деревьев таятся сторожевые вежи. В укромном урочище расположилась воинская застава: просторная Двенадцатистолбовая юрта холостых ратников и семейные дворы.

О допрежнем времени, когда ботурам запрещалось жениться, вспоминают лишь те ветхие старцы, чья молодая весна совпала с первым торжищем в Эрги-Эн. Может, оно и правильно было в ту пору нескончаемых распрей с враждебными северными одноплеменниками и другими народами Великого леса. Все меньше вдовилось жен, сиротилось детей. Но нет худа без добра: поубавились междоусобицы после гилэцкого вероломства. Теперь в заставе, как в любом аймаке, не редкостью стали веселые свадьбы.

Народ Элен кормил дружину сытно, поставлял ей сильных жеребцов и ратное снаряжение. Семь опытных табунщиков присматривали за норовистыми стадами. Особый отряд бойцов отвечал за воинскую выучку лошадей. Густо висело оружие на колышках, вбитых в двенадцать столбов юрты ботуров. Наставники обучали молодых искусству сражений. На алесе у священного Камня Предков

¹ Аймачный (старшина) — глава аймака, рода.

² Багалык — воевода.

проходили под осень боевые испытания, и там же совершалось Посвящение в воины. Росла в числе и мощи рожденная в мирное время дружина, несла честную стражу. Люди в долине знали: багалык всегда начеку, войско спит чутко. Случись что лихой ночью, молниеносные собрались бы во всеоружии с быстротою прилива, не больше шума производя, чем волны, тревожащие песок. Но боги пока миловали — не случалось. Меж тем не слишком-то по душе приходилось витязям вольготное житье. Тоскуя по битвам, многие успели сменить черный волос на пегий, а пегий на белый. Попусту шли учения и служба, не с кем было схлестнуться в боевой стычке. В ристалищах можно проверить умение и сноровку, а как обнаружишь в себе настоящую бранную храбрость? Разве что изредка попросят помощи соседи, живущие в верховьях реки. Нет-нет да ограбят их окраинные аймаки нечестивцы барлоры...

Неизвестно, в каком месте беспредельного леса гнездится это лихое разбойничье племя. Барлоры считают себя детьми Златоглазой волчицы, их песни похожи на волчий вой, а шаги легки, как поступь теней. Налетают стаей и пропадают так же стремительно и бесследно. Гоняться за ними — все равно что ловить ветер руками... Ну, бывает, иной раз на стойбища тонго́тов, бродящих вдоль и поперек по Великому лесу с оленными стадами, нападают ва-таги хóриту — людей с узорными лицами. Давно, еще до отправления торжищ, иноплеменники хориту явились с неведомой стороны и потеснили кочевников с ягелевых пастбищ. Тонготы и нгáмендри были в то время одним народом, но отчего-то разделились и убралась в разные стороны. После

выяснилось, что совсем разошлись, взяли себе отдельные прозвания и перестали признавать друг друга. А тогда, перед уходом из родных мест, в отместку пришельцам спалили лес за своей спиной.

Деять весен горел лес. На обширном пространстве гари образовалось множество травяных пойм и низин. Терпеливые хориту дождались и похозяйски устроились на плодородных аласах, поселились у карасевых озер, начали разводить лошадей и рогатый скот. Бытование их во многом схоже с жизнью людей саха. Правда, болтают, что есть у чужаков странные обычаи, супротивные человеческому естеству: умерщвлять немощных стариков, дабы не тратить на них время и пищу. А еще, откармливая собственных дочерей до кобылей тучности, съедать их во время празднования Новой весны, распевая веселые песни...

Хориту дружат с шаялами и вроде взялись влить свежую кровь в их малочадный, тающий на Земле род. Шаялы превосходят высотой людей других племен Великого леса на полторы головы, а низкорослых тонготов и ньгамендри — на две. Плечевой разворот великанов равен росту среднего мужчины саха, если положить его поперек на широченную шаяльскую грудь. Сильны большие люди необычайно, но доверчивы и глупы. Говорят, эти дурни с ребячьими мозгами собирают солнечные лучи в кожаные бурдюки, глухо закупоривают их и, открывая в темных жилищах, дивятся изворотливости сбежавшего света. А когда ладят подпорки для своих землянок, смазывают маслом короткие бревна и тянут изо всех сил с разных концов, чтобы, смягчившись, они сделались длиннее.

Ой да мало ли досужих басен о несуряницах всяких племен! О народе саха тоже носится немало нелепых рассказней. Тонготские воины так насмешничают над ботурами Элен: «Утром и вечером молниеносный ботур, выпив ведро масла, съев котел мяса, вылезает из Двенадцатистолбовой юрты. Слезно просит у южного ветра досады, у восточного — осады, у западного — нападения, у северного — наказания. Глядит кругом, а всё не исполняются мечты. Тогда могучий ботур сам идет навстречу бедам. Ох и грозный же, ох непобедимый!.. Только не суждено доехать — первый же ветерок валит его с ног долой!»

Обидная подковырка, но не причина для драки. Тонготская орда шутит, да понимает: попробуй-ка напасть на долину — мощное войско сотрет дерзких с лица земли.

С великой надеждой ждут ботуры чужого лиха. Заранее прикидывают, кого воевода пошлет сражаться, кому улыбнется ратное счастье. Бойцы, вернувшиеся с редких сшибок, похваляются подвигами и ранами, хвастают благодарственными дарами спасенных. А порою, если защищать некого слишком уж долго, скучающая младая чадь, к стыду багалыка и отрядных старшин, сама задирает парней хориту, тонготов и даже соседей-соплеменников. Поэтому Большой сход Элен решил отправить нынче на оленнюю охоту по северным протокам не половину, как обычно, а все войско. Хватит в заставе и незначительной стражи. Кого бояться? Пусть дружина на всю зиму запасет мяса для людей долины, а заодно утолит добычей багровую жажду. Ботуры — лучшие охотники, умеют умертвить зверя так быстро и мягко, что дух его и боли не успевают

почувствовать. Ничто не оскверняет взыскательных глаз Бай-Байанáя¹, когда промысел правят воины, потомки древних охотничьих родов.

Пошел первый день Месяца опадания листвы². Мясо у диких оленей в это время самое вкусное, успевший отлить мех блестящий и темный, кожа крепкая. Нажировавшись на богатых сочными водорослями озерах островов, ветвисторогие возвращаются в тайгу. Охотники с луками и копьями будут ждать их у речных переправ. Может, посчастливится добыть и других, имеющих кровь: красавцев изюбрей, лопаторогих лосей, медведей, вдосталь налакомившихся масляными кедровыми орешками. Никто из воинов не хотел оставаться в заставе.

— Не от кого стеречь! — кричали, охваченные охотничьим пылом. — Даром сидим на довольствии, в глаза людям смотреть совестно!

Багалык Хорсун не стал сам назначать стражей, велел бросить жребий. Щепки с угольными метками вытянули из шапки рыжий Кúгас и, будто нарочно, его младший брат Дубóлан. Парень чуть не взревел от обиды, но делать нечего, раз уж так выпало. Знать, сам Дилгá³ вздумал подшутить над братьями. Оба они, а затем вся дружина вопрошающе воззрились на Хорсуна: сам-то идет ли? Нарьяна, его молодая жена, на сносях. Всем ведомо было, что главный жрец воспротивился отъезду багалыка.

¹ Бай-Байанáй — дух леса и охоты.

² Месяц опадания листвы — сентябрь.

³ Дилгá — божество, управляющее судьбой племени и каждого человека.

...За день до отправки войска старейшина долины плотник Силис собрал Малый сход¹ в своей юрте, в аймаке Горячий Ручей. Хорсун легко убедил старшин оставить в заставе всего двоих воинов:

— Не такое великое время сезонной охоты — десять дней. Вокруг спокойно, не должно случиться плохому. Кто вспомнит, когда приключалась последняя напасть?

Старшины задумались. Потом коваль Тимир, старшина кузнечного селенья Крылатая Лощина, усмехнулся:

— Помню разве только, как упряжной бык лодыря Манихая, с полными дров санями, в медвежью яму ухнул позапрошлой весной. Слава богам, яма была без кольев. Наш олух кинулся сани тащить и сам свалился... Вот была беда так беда — весь аймак с детьми и стариками примчался дурня вызволять! После дивились, что бык невредим, а Манихай исхитрился руку сломать да жилы на лодыжке надорвал. Ох и довольный ходил! До осени с полным правом палец о палец не ударил...

Посмеялись.

— Что ж, достаточно будет двоих охранников, — кивнул Хорсуну старейшина Силис, и аймачные согласились.

Сход уже собрался разойтись, как вдруг главный жрец Санда́л, подрагивая увечным веком, громко напомнил Хорсуну:

¹ На Малый сход, в отличие от Большого — общего собрания населения, — собираются только облеченные властью.

— Услышим ли глас одобрения предков? Жена твоя в бремени, грех тащить за собой в лесную невинность мутный сквозняк женской немочи. Незачем гневить таежного духа, переступать через запрет. Остаться надо тебе.

Старшины тревожно помалкивали, не зная, чью сторону взять. Потупив было голову, Хорсун поднял на них яростные глаза, но ничего не сказал. Резко повернулся и четырьмя шагами пересек широкую юрту. Не простившись, хлопнул дверью, аж дрогнули крепкие стены и посыпались плотницкие заготовки Силиса с полок.

— Дом-то мой за что наказал? — сокрушенно развел руками старейшина.

И вот дружина безгласно смотрела на багалыка, ожидая его веского слова.

— Чего уставились, будто на темени у меня свил гнездо красноносый журавль стерх? — обронил Хорсун, обедев воинство тяжким взором.

— А ничего, — ответил за всех рыжий Кугас без тайного сожаления, сразу потеряв надежду на то, что багалык останется с ним и Дуоланом. — Думали, ты, как всегда любезный и кроткий, послушаешься озаренного Творцом...

Ботуры дружно захохотали. Всем было известно: багалык скорее даст себе палец отрубить, чем начнет кланяться Сандалу и выполнять все его наказания.

* * *

Жрецы благословляли дружину к добыче и кропили воинов жертвенным маслом. Хорсун отсиживался дома. Даже не поглядел в окошко на разведенный у Двенадцатистолбовой юрты очищающий

костер. Привлек на колени жену, хотя перед охотничьим походом к женщинам и приближаться нельзя, обнял крепко-крепко. Шепнул на ушко заветные слова, какие она от него только дважды слышала за три их семейные весны: раз — в свадебный день, второй — когда призналась, что не пустая, и вот — третий... Нагнулся и прильнул щекой к жениному животу, приложил чуткое ухо. У Нарьяны горло перехватило от щедрости редкой ласки — суров был муж! — и ребенок торкнулся от нехватки дыхания.

— Сын меня пнул, — засмеялся багалык. Спросил: — Поди, скоро?

— Не должно, — зарделась Нарьяна, — тебя дождусь.

Уткнулась лицом в его жесткие волосы, стянутые ремешком в короткую косицу. В прядях косицы пряталась медная трубочка. Маленький, но сильный оберег, с заключенным в нем пером священной птицы Эксэки¹.

Посидели молча, слушая сердца друг друга и третьего,жданного, соединяющего их. Потом Хорсун встал, и Нарьяна поняла — теперь не смей подходить. Тихо ушла за ровдужную занавеску на левой, женской половине дома. Занялась шитьем, чтобы не мешать мужу готовиться к дороге.

Разведя в камельке жаркое пламя, Хорсун начал обряд очищения. Достал с матицы охотничьего идола, смочил ему рот кобыльей кровью. Долго молился-кланялся хозяину огня и лесному духу. Встряхивал одежду и снасти над волнисто

¹ Эксэки — божественный орел, беркут с четырьмя головами и восемью крыльями; звезда Денеб в созвездии Лебедя.

куращимися с краю тягла ветками можжевельника. Старательно обволакивал ноги отгоняющим нечисть благовонным дымком чабреца. Брызгал в четыре стороны топленным маслом, в огонь подливал и себя не забыл помазать. Оделся-собрался, прочел заклинание лицом к двери. Кинул, не оборачиваясь:

— Жди.

И вышел.

Нарьяна не осмелилась выбежать вслед. Взметнулась к окну, высматривая гнедого коня Аргыса с белым пятном на лбу, мужа в волчьей дохе, в новой бобровой шапке. Сама шила шапку, с благословениями закрепляла медный круг-солнце на туге. В любой толпе нетрудно найти багалыка — высок и могуч. Воины возле него что дети малые, да и Аргыс внушительнее остальных коней.

Хорсун взмахнул рукой, прокричал что-то дружине, и всадники повернули к речке Бегунье. Поскакали по горной тропе, ведущей к утесу Каменный Палец и дальше, за скалистые гряды, к рекам, текущим по ничейным равнинам. Нарьяна заметила, что вьючных лошадей взяли вдвое больше назначенного. Уж очень, видно, хотелось багалыку сполна выполнить наказ схода, чтобы люди долины легко пережили Голодный месяц¹. Пусть же не скупится Бай-Байанай, даритель промысловой удачи!

* * *

Кони двигались слаженно и бесшумно, где легкой трусцой, где укрощенным шагом. Воины сидели в седлах как влитые. За спинами покачивал-

¹ Голодный месяц — февраль.

ся лес копий, сверкали медные и железные котлы, крепленные ремешками к хитрым заплечным обручам, обтянутым дубленой кожей. Хорош в походе такой обруч, не тяжело носить с ним добычу и вещи, а на привалах он и стол, и блюдо для мяса и рыбы. Если же негаданная военная нужда повелит — вместо щита сгодится.

Дай волю — взорвались бы молодцы шутками и смехом в предвкушении охотничьих страстей, но в лесу не смеются громко. Лишь неудержимые улыбки светились на блестящих от жертвенного масла щеках, сдвигая к скулам крутые зигзаги молний. Хорсун тоже улыбался, любуясь доброй дружиной. Однако в душе багалыка скребся темный зверек. Правильно ли он сделал, оставив людей без защиты на целых десять дней? Может, следовало покориться доводам сведущего жреца? Не случится ли так, что вернутся ботуры, а защищать будет некого и некого одаривать богатой добычей, равными долями по славному обычаю предков?

Только двое стражей охраняют Элен, если не считать жены рыжего Кугаса могучей Модун и дружинного мясовара Асчита. Но ведь какой бы сильной и ловкой ни была Модун, она все-таки женщина, не посвященный воин. А веселый толстяк Асчит совсем не любит драться. Все его думы о пополнении мясных ледников, погребков с молочною пищей и осенней заготовке съедобных кореньев.

Сердце Хорсуна сжалось от нежности: Нарьяна. Женщина со звездами в глазах, что, верил, ему лишь сияли. Жена, любимая до неистового бега

в крови, до сладкой боли в предсердье, лишь произнесешь ее имя... Покинул! Удрал в самое для нее нелегкое время. Азарт охоты, а пуще того нежелание подчиниться жрецам оказались сильнее семейных забот и покоя в долине... Упрямый!.. Не знающий к жене жалости, мнящий о себе высоко!

Так ругал себя багалык, сидя в седле с прямой спиной и застывшей на лице улыбкой.

Свернув к Скале Удагáнки¹, Хорсун придержал Аргыса, дождался, когда воины уйдут вперед. Достал из подвешенного к поясу кошельа взятый из дома пучок белых конских волос, забросил его за валун, прикрывающий сбоку вход в маленькую пещеру. Пусть хранит долину, жену Нарьяну и ребенка оберег священного Дэсегея. Наклонив голову к сложенным ладоням, произнес краткое заклинание. Прости, Белый Творец. Прости и ты, удаганка, жрица солнечного огня...

Однажды на празднике Новой весны приезжий олонхосúт² рассказывал легенду о жрице и происхождении созвездий. Все знали древнее предание, но слушать было приятно. Связные украшения к словам подобрал старик, мало кто так умеет. Вот и Хорсун горазд сложить в уме пригожие мысли, а вслух молвить — неуклюжим становится робкий язык, от неловкости загораются щеки. Да и зачем ему? Разве что пересказывать сказку через пять весен сыну, остальным детям, если впоследствии даст их Творец.

¹ Удагáнка — шаманка, жрица небесного огня.

² Олонхосúт — исполнитель олонхо.

В оный век, когда подлунный мир был не толще, чем коня хребет, а реки играющий ручей мчался по песчаной борозде, удаганка старая жила, что лепила чаши с крепким дном, с яркими лучами на боках. Рода жрицы той никто не знал, имени теперь я не скажу, только имя лошади ее помнится — Крылатая Иллэ¹, да осталась в памяти людей женщины диковинная смерть, ибо невозможно позабыть и за двадцать канувших колен, что тогда случилось на Орто.

Холодом на сердце ощутив близость вечно алчущей Ёлю², жрица перемолвилась с Иллэ, и взмахнула та крылом в ответ, дымкой улетая в небеса. Женщина велела возвести слева от особенной скалы, где всегда камлала на заре, арангас³ на лиственничных пнях — наверху с колодой вырезной, изголовьем к северным краям. Облачившись в светлую доху, чашу прихватила с восемью яркими лучами на боках, завернулась с головы до ног в полотно из белой бересты и легла в глухой древесный одр, как во чрево матери дитя.

Ночью той затеялся буран, наметавший снега аж до крыши, топорами снег пришлось рубить, чтобы выйти из остывших юрт. Умерли все те, кто не сумел истощенный подкормить очаг. Слабых душ печальный хоровод, сделав над Орто последний круг, в мир

¹ Крылатая Иллэ — волшебная кобылица с лебяжьими крыльями, мать летучего табуна удаганок.

² Ёлю — дух смерти. Известен в облике одноглазой одноногой старухи.

³ Арангас — могильный помост с колодой — «колыбелью» покойника; созвездие Большой Медведицы.

надзвездный тихо просквозил и оставил хладные тела под надзором смерти и зимы.

Десять дней и девять же ночей отступили в Коновязь Времен¹, и кому-то вылезть удалось из сугроба, выдолбив дыру. Глядь — летает жрица над Элен на колоде вырезной верхом, ветер кличет, к помощи зовет, бубенцами медными звеня!

Не один — все восемь принесли, разрыхлили плотные снега. Солнце довершило их труды — растопило ледяную твердь, и увидел изумленный люд, что свалились камни со скалы, и свершилось чудо из чудес: очертаниями стал утес Удаганки лик напоминать! То же благородное чело, складки век над гнездами глазниц, нос с горбинкой, как при бытии, только все из исполинских глыб...

Там, где плеч громадных разворот уходил подножием во мхи, за большим упавшим валуном впадина глубокая нашлась. Подивились, кто туда зашел: выбоина ладною была, будто человек ее рубил — шире юрт о четырех столбах, выше, чем высокий рост мужчин, с потолком округлым, а внизу — глиною подбитый ровный пол. Чистый горный воздух из щелей, неприметных для дотошных глаз, тихо-тихо колыхался здесь, словно чей-то грустный вздох живой...

В тот благословенный Богом век в каждом уважаемом роду свой имелся чародей-шаман. Вот шаманы вместе собрались и камлали у скалы два дня, а на тре-

¹ Коновязь Времен — прозрачное навершие мирового древа Ал-Кудук на девятом ярусе небес. Боги привязывают к нему своих лошадей. В Коновязь Времен со звуком «домм» падает отжившее время, из которого слагается вещество вечности.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Борисова Ариадна
**ЛЮДИ С СОЛНЕЧНЫМИ
ПОВОДЬЯМИ**

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *А. Дёмочкина*
Технический редактор *Л. Синуцына*
Корректоры *Е. Шумская, В. Алексина*
Верстка *Е. Зеленина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.01.2026.
Формат 84 × 108 1/2. Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уса. печ. л. 27,72.
Тираж 2000 экз. Т-РР1-39739-01-Р Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака КоЛибри Fiction	КоЛибри Fiction тауар белгісінің иесі
115093, Москва, ви. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылманың сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

